

СПОРЫ БЕЗПОПОВЦЕВЪ

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА И ПОКРОВСКОЙ ЧАСОВНИ

О Б Р А К Ъ.

II. (*)

Обращаемся къ полемическимъ сочиненіямъ наставниковъ Покровской часовни, писаннымъ ими въ опроверженіе «ево-досѣвскаго дѣвства,» къ сочиненіямъ Зенкова, Анисимова и Сергѣева.

Изъ сочиненій Федора Аникиова Зенкова мы имѣемъ два его письма: одно писанное въ 1779 году къ Василью Емельямову, а другое къ Алексѣю Ковылину. (**)

Возникшіе споры о бракѣ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней побудили Зенкова обратить серіозное вниманіе на это явленіе,—на отношеніе Покровской часовни и Преображенскаго кладбища. Онъ видѣлъ, какъ эти безпоповщинскія секты далеко разошлись въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какъ все сильнѣе и сильнѣе разгоралась между ними вражда, и потому Зенковъ естественію пришелъ къ тому вопросу: гдѣ нынѣ правда пребы-

(*) См. первую статью въ *октябрьской книжкѣ*.

(**) Рук. Пуб. Биб. отдѣленіе бракорборныхъ сочиненій № 37.

ваетъ? И вотъ онъ обращается къ исторіи своей секты, вѣроятно съ намѣреніемъ взять ученіе своихъ отцевъ за критерій истины. Начиная со временъ Θεодосія Васильева, онъ пересматриваетъ сочиненія всѣхъ извѣстныхъ ему наставниковъ; но въ ихъ ученіяхъ онъ видитъ постоянное разногласіе и противорѣчіе, какъ между собою такъ и въ особенности съ Св. Писаніемъ: (*) наши старики и отцы, говорить

(*) Вотъ какъ въ подробности Зенковъ пересчитываетъ разногласія главнѣйшихъ расколоучителей: Аще прежде бывшихъ отецъ помяну, не въ осужденіе; убо въ первоначальной польской обители настоятель Θεодосій Васильевичъ старожиновъ не разводилъ и бракъ ихъ законный вмѣнялъ, и на чадородіе не возбранялъ, за что и поносимъ бѣше отъ поморскихъ. А первоначальніи поморскіе отцы: Даниилъ Викулычъ, Андрей и Семень Денисовы браки отъ никоніанъ по крещенію хуляху, ни во что же вмѣняли, да и польскихъ христіанъ письмами увѣщевали на чистое и дѣвственное житіе. Обаче Θεодосій Васильевичъ напротивъ отписоваше и браки утверждаше: и оны отцы напротиву уже молчаніемъ покрывали. Еще съ титлами крестъ не принимали, въ томъ и сотвори съ ними въ моленіи, и ястіи и питіи, раздѣленіе; и сіе раздѣленіе не по правиламъ съ поморскими отцы Θεодосій сотвори; въ томъ и скончался въ заточеніи въ новгородской темницѣ въ оковахъ 1711 года.

По семъ настоятель новгородскій и московскій Игнатій Трофимовичъ съ Андреемъ Денисовичемъ положили миръ до обысканія титулу на животворящемъ крестѣ 1727 г. и по семъ прошло время не мало, то московскіе поморцы, по скончаніи Андрея Денисовича, начали говорить еедосѣвомъ: долго ли вамъ будетъ съ титлами кресты имѣть; но они, не терпя обличенія, паки отдѣлилися отъ поморскихъ; и пріѣхалъ Игнатій Трофимовичъ въ 1737 г. и нечаянно пріѣхалъ поморскій Данила Матвѣевичъ, да ярославскій Фѣдоръ Фѣдоровичъ; и егда по изрѣченіи бесѣды ихъ паки положили миръ, чтобъ не отливать съ титлами крестовъ, кои у кого есть съ титлами, тѣ бы промѣнять мірскимъ, и въ томъ со смиреніемъ простіяся.

По семъ съ Новгорода привезъ кто-то въ Москву тетради, а въ нихъ выписано изъ книгъ Соловецкаго монастыря старца Игнатія обличенія на тексты. А нѣкій защитникъ и толкованіе написалъ, и въ томъ было словопреніе, и паки раздѣлилися съ поморскими. И пріѣхалъ Игнатій Трофимовичъ, а изъ Ярославля Фѣдоръ Фѣдоровичъ, и тетради долго судили, и не разсудя ярославскіе уѣхали, а Игнатій Трофимовичъ занемогъ; и осталась та ему печаль, что съ поморскими христіаны не смирился, обаче и больной поѣхалъ въ Ярославль и взялъ съ собою Ілью Иванныча. И тако въ Ярославлѣ миръ положили, чтобъ Игнатія старца письма вперёдъ не судить и письменно за руками миръ укрѣпили въ ро-

онъ, писали и узаконили много не отъ Писанія, много узаконили странно и различно, и вся ихъ совѣты и дѣла въ странахъ польскихъ, московскихъ, новгородскихъ, саратовскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ слободъ разорилия и злоба и нелюбовь весьма укоренилися.

Не довѣряя прежнимъ раскольническимъ писателямъ, Зенковъ еще съ большимъ неудовольствіемъ отзывается о со-

ды и роды. По семъ изъ Саратова пріѣхалъ Максимъ Васильевъ Галинъ и, пришедъ къ нѣкому христіанину, сказалъ: и я-де въ сумлени, что-де церковь и папа заедино, а въ новоканонѣ писано: кто за папу молитъ Бога, того велѣно крестить; а тотъ христіанинъ такой далъ совѣтъ: пойдѣ къ Ильѣ Ивановичу и рцы: надо-де собрать книжныхъ и призвать Михаила Кирилова и спросить: съ конми христіанами съ московскими, или поморскими согласуется? Ибо тѣ за царя молятъ Бога, а мы-де въ томъ сумнительны; а егда онъ скажетъ съ поморскимъ монастыремъ, то и мы-де съ тобою сомнительны общеніе имѣтъ: тако и сотвориша и въ томъ неправильномъ раздѣлѣ и доднесъ закоснѣли, въ томъ раздѣлѣ и умирають, и отъ сего неправильнаго раздѣлу выходитъ паче стали на разные толки. Первый Михаилъ Григорьевъ не захотѣлъ подѣ началомъ быти у Ильи Иваныча, но изволи самъ начальствовать и не сталъ съ нимъ общеніе имѣтъ за держаніе титулу на крестѣ и завелъ свое стадо и самъ лишился общенія съ другими. Сии вышелписанные старики съ Ильею Алексѣевымъ не праведно прежде поморскихъ христіанъ отлучили. Уже до 13 лѣтъ прошло въ семъ раздѣлѣ и взаимномъ отлученіи!

Старець Теокистъ собралъ свое стадо и былъ духовникъ, обаче покинулъ свое стадо, не сталъ пасти и выѣхалъ изъ Москвы. По семъ нѣсть откуда явился Степанъ Андреевъ и вступилъ въ духовенство и ѣздилъ къ Александру старцу постригаться, переименовался Варлаамомъ. Онъ такожъ собралъ свое стадо, и отъ его Варлаама выросли Григорій и Алексѣй Яковлевы. И сей Варлаамъ отлучилъ отъ себя многихъ, а самъ вскорѣ умре. А стадо его само по себѣ остались и нарицаются болчужны, а отъ болчужныхъ отдѣлилися тверскія; а Гаврило Артамоновъ отклонился отъ Ильи Ивановича за старознаменское пѣніе. И о семъ раздѣлѣ да будетъ вѣдомо всѣмъ христіанамъ: отъ 1766 г. отъ страны поморскія: Иванъ Алексѣевъ, да Игнатій, да Фѣдоръ Анникіевъ; а отъ страны московскія: Илья Ивановичъ, да Фѣдоръ Фѣдоровичъ, да Илья Алексѣевичъ въ Лазареву субботу въ домѣ Жемчужникова подписались прекратить раздѣлъ свой и до днесъ святыми правилами не очищаютъ. Вотъ какую картину раздора представляетъ Зенковъ, вкраткѣ очертивъ почти всю исторію раскола. Это письмо Зенкова, какъ письмо раскольника, весьма сильно поражаетъ и унижаетъ расколъ.

временныхъ ему учителяхъ; вышшіе учителя сами по себѣ несогласны и слушать ихъ опасно: напримѣръ первый научилъ недоразумѣніямъ по своему мнѣнію, а по немъ второй раззорилъ его мнѣніе, — инако сталъ учить, несогласно первому; а по немъ третій раззорилъ тово ученіе, ибо вся законы сталъ преподавать не по Писанію».

И вотъ Зенковъ, этотъ расколѣникъ, не уважающій расколь, ясно видѣвшій здѣсь постоянный произволъ въ ученіяхъ частныхъ лицъ, не стѣснявшихся въ своихъ противорѣчіяхъ даже авторитетомъ Св. Писанія, — въ настоящихъ немиролюбивыхъ отношеніяхъ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней рѣшился взять сторону той партіи, которая по его мнѣнію болѣе вѣрнымъ путемъ слѣдовала ученію св. преданія. И Зенковъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Преображенскаго кладбища, теперь (въ 1785 г.) перешелъ на противоположную сторону; онъ пишетъ къ Василию Емельянову: «Пречестный отецъ, Василій Емельяновичъ, ты намъ Боговъ избранный, еже утверждати насъ въ правой вѣрѣ, молюся убо тебѣ честный отче мой, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, утвердися любовію: зѣло бо желаю и радуюся и согласуюся служебенъ быти съ тобою во хвалу и славу благочестивыя нашея вѣры. Я къ твоему союзу любовному прилѣпихся, а тѣ христіане, кои уклоняются въ развращеніе и гордость, я отъ тѣхъ нынѣ сталъ удаляться.» Онъ удаляется отъ нихъ потому, что они божественное писаніе криво скажутъ, прехитряюще его къ своему разуму, и это противорѣчіе Св. Писанію Преображенскаго кладбища Зенковъ особенно ясно созналъ тогда, когда Ковылинъ отвергъ браки Покровской часовни, браки, по мнѣнію Зенкова, достаточно утвержденные и Св. Писаніемъ и св. преданіемъ, — когда Ковылинъ съ особенной настойчивостью сталъ проповѣдывать всеобщее дѣвство. Дѣйствительно, человекъ сколько-нибудь понимающій, сколько-нибудь дорожившій релігіознымъ убѣжденіемъ, ставъ въ близкія отношенія къ Преображенскому кладбищу, непременно нахо-

диль здѣсь для себя много отталкивающего. Ковылинъ только по внѣшности хотѣлъ казаться человѣкомъ религіознымъ, но на самомъ дѣлѣ для него не существовало никакого священнаго авторитета; онъ всегда дѣйствовалъ единственно по своимъ личнымъ интересамъ. Зенковъ въ письмѣ своемъ къ Емельянову между прочимъ передаетъ слѣдующій, фактъ, весьма характеризующій Ковылина. «Иванъ Алексѣевъ сказалъ нѣкоему новожону: я отъ васъ никакого книжнаго свидѣтельства не приѣмлю; и не представляйте мнѣ ни седми вселенскихъ соборовъ, ни девяти помѣстныхъ, ни апостольскихъ правилъ, — или въ конецъ вамъ сказать: еще бы и Самъ Христосъ съ небеси сошелъ со архангелы и велѣлъ бы мнѣ: Илья! пріими-де новожоновъ въ согласіе къ себѣ! А я бы Ему сказалъ: не послушаю тебя, Христе; рече-де мнѣ такъ отецъ мой Илья Ивановъ при смерти своей и приказалъ: какъ-де ты наученъ, въ томъ и стой, рече: еще онъ будетъ во адѣ, то и я съ нимъ, еще во царствіи, то и я съ нимъ; того ради я ученія его не отстану и не изитню. Еще скажу вамъ: еще вы будете и чудеса творить, или мертвыхъ воскрешать, не приму васъ въ общеніе себѣ. (*)» Еще мнѣ и хороши люди присужаютъ; какъ-де я былъ въ Питерѣ, случилось мнѣ быть у генерала Потемкина, и онъ мнѣ говорить: Илья, какъ-де ты наученъ, въ томъ и стой, а своего толку не заводи, и я-де ему за то въ ноги поклонился: благодарствую, батюшка, на добромъ твоёмъ совѣтѣ. За преданіе отца своего и совѣта генерала Потемкина раззорилъ заповѣдъ!» Справедливо восклицаетъ, рассказавъ этотъ случай, Зенковъ. Зенковъ, признавая Ковылина совершеннымъ безбожникомъ, не безлогично однако поступилъ, когда въ письмѣ къ В. Емельянову, перечисляя различные пункты ученія Преображенскаго кладбища, противопоставляетъ каждому изъ нихъ свидѣтельство Св. Писанія; потому что это письмо имѣло не

(*) А между тѣмъ, какъ увидимъ, Ковылинъ въ скоромъ времени сталъ принимать въ свое общество новожоновъ.

столько личное, сколько общее назначеніе. Изъ письма Зенкова мы видимъ, что еедосѣвцы признають «одно точію дѣвство, и по нуждѣ и неволею повелѣвають даръ дѣвства сохраниати, 2) говорить, что лучше-де нынѣ блудити, нежели брачитися, 3) и въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ, не желая въ опредѣленіе брака вступить явно, дѣвицъ и вдовицъ въ стряпухи понимаютъ и тайное сквернодѣяніе творять, а ребятъ всюду подкидываютъ; 4) бабъ отъ мужей отлучаютъ, а новоженновъ безъ разводу не принимаютъ, а по разводу сорокодневный постъ съ поклонами назначаютъ.» Подобныя постановленія еедосѣвцевъ вытекають изъ слѣдующихъ странныхъ основаній: считая вѣнчаніе въ православной церкви оскверненіемъ, а законное сожитіе дѣломъ невозможнымъ, по неимѣнію священства, они предпочитаютъ блудъ браку, присовокупляя, что блудъ, какъ грѣхъ тайный, тайно и судится и скорѣе прощается—тѣмъ больше, что самая тайна, облекающая блудъ, производя угрызеніе совѣсти, уже сама по себѣ есть достаточное наказаніе грѣшнику, особенно если ему налагають эпитиміи, на которыя такъ всегда щедры безпоповщянскіе наставники. Къ этому еедосѣвцы присовокупляють еще большую нелѣпость: Дѣва (т.-е. Богородица)—отъ Бога, а жена (т.-е. Ева согрѣшившая)—отъ діавола; слѣдовательно (!) Господь снисходительнѣе смотритъ на согрѣшеніе съ дѣвою—блудъ, нежели съ женою—бракъ.

Отвергнувъ каждый изъ этихъ отдѣльныхъ пунктовъ свидѣтельствами изъ Св. Писанія и особенно изъ посланій апостола Павла, Зенковъ говорить: «удивляюся азъ воистину симъ людямъ, каково ожесточенно обыкновеніе имуть! Таковаго срамнаго стыда не чувствуютъ, и видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, яко отрѣвають браки и не тщатся разума правльнаго о томъ взыскати. Посему они явно протвѣются апостольскому преданію, и превземшеса, яко бы больше уразумѣша Павла, и возгордилися о своемъ разумѣ надъ апостольскимъ разумомъ. Павелъ бо рече: повелѣваю юнымъ вдовамъ посягати, чада рождати, домъ строити; ты

же (разумѣя здѣсь Ковылина) и Павлу учитель еси; яко до четвертаго неба достигъ и во нинъ восхищенъ рай, въ онъ же онъ не восхитися.» (*)

Въ концѣ своего письма Зенковъ убѣждаетъ возвратиться едосѣвцевъ на путь истины, въ противномъ случаѣ, «аще не покорится, говоритъ онъ, мы о васъ, яко не изцѣльныхъ прослезимъ.»

Подобнаго рода воззванія и убѣжденія со стороны Покровской часовни не производили на Ковылина желаемаго дѣйствія; онъ до конца своей жизни не переставалъ проповѣдывать безбрачную жизнь. Но вѣстѣ съ тѣмъ нельзя представить и того, чтобы тѣ же самыя убѣжденія покровцевъ не

(*) Дѣйствительно, Ковылинъ увѣрялъ своихъ приверженцевъ, что онъ восхищенъ былъ въ рай. Вотъ какъ онъ рассказываетъ свое пребываніе въ раю: (разсказъ этотъ мы заимствуемъ изъ рукописи Пуб. Библ., по отдѣленію бракорборныхъ сочиненій № 42: «Сновидѣніе, бывшее около XVIII столѣтія»). Лежашу ми на одрѣ величій боѣзни, бывъ яко въ восторгѣ: приде покойный сынъ мой Гривгорій къ хранимѣ той, въ ней же возлежащу ми. И егда узрѣхъ его у дверей хранины стояща, начахъ призывать его къ себѣ, напоминая ему о воспитаніи, объ отеческомъ попеченіи и проч., и по привѣтству моему приде онъ ближе къ одру въ хранину; тогда началъ азъ вопрошати его: како пройде воздушныя мытарства и не бысть ли тебѣ каковаго страха по исхождѣ души отъ тѣла? Тогда отвѣща ко мнѣ сынъ мой: благостію Божіею и вашими отеческими молитвами, ничто же зла пострадахъ при исхожденіи отъ тѣла и въ восхожденіи на небо. Понеже при смерти моей моляхъ Владыку Христа, дабы мнѣ не видѣти страшныхъ лицъ мытарей воздушныхъ. И по оному моему прошенію Богъ сіе содѣла.—приведеса безбѣдно въ уготованное мнѣ отъ Владыки моего мѣсто. Еще спросяль я у него, знаешь ли ты: гдѣ нынѣ обрѣтается батюшка нашъ, Илья Ивановичъ, и въ какомъ мѣстѣ пребываетъ? Онъ же рѣче ко мнѣ: батюшка-де, Илья Ивановичъ, пребываетъ въ прекрасномъ нѣкоемъ мѣстѣ, съ нимъ же де и я жителство имѣю. И я просилъ сына своего, чтобы довелъ онъ меня къ Ильѣ Ивановичу и повелѣ мнѣ идти за собою. И приидохомъ на нѣкое прекрасное мѣсто, и узрѣхъ азъ домъ чудный и весьма великолѣпный: неизрѣченныя красоты внутрюду и внѣуду исполненъ. Въ томъ дому сидитъ Илья Ивановичъ, нашъ батюшко, въ одеждѣ апостольской; на главѣ его вѣнецъ прекрасный отъ различныхъ цвѣтовъ райскихъ и сплетенный весьма дивно. На ногахъ сандаля апостольская. Сидятъ на стулѣ, стулъ простой безъ кресель.

имѣли никакого вліянія, хотя на нѣкоторыхъ часовъ Преображенскаго кладбища, потому что не даромъ Ковылинъ въ 1785 году послалъ письмо покровцамъ, гдѣ онъ, повидимому, желаетъ оправдать образъ своего дѣйствія. Онъ старается убѣдить Покровскую часовню, что Преображенское кладбище, дозволяя жить вмѣстѣ молодымъ и дѣвцамъ, поступаетъ нисколько не противорѣча божественнымъ правиламъ; въ доказательство чего ссылается на «дерево бывшихъ дѣвицъ и вдовицъ», которыя хотя жили въ мѣрѣ, но проводили жизнь чистую, дѣвственную, «и у нѣкія блаженныя дѣвцы, говоритъ онъ, самъ Афанасій великій крѣхшеса.» Далѣе Ковылинъ убѣждаетъ, что Преображенское кладбище по самой необходимости попускаетъ жить вмѣстѣ молодымъ и

Украшенъ онъ власами бѣлыми, яко волна чиста, мѣи сребро искушено; около его 300 младенцевъ, въ которомъ числѣ и сынъ мой Григорій, и они въ апостольскихъ одеждахъ и въ сандаляхъ, токмо на главахъ ихъ вѣнцовъ не имѣется. А Григорій, сынъ мой, всѣхъ оныхъ около его младенцевъ возрастомъ посвершенѣе. И я, приступивше къ Ильѣ Ивановичу, спросилъ его: что суть младенцы сіи? Онъ же рече ко мнѣ: Богъ младенцевъ сихъ даровалъ мнѣ на утѣшеніе, за оказанное мною смиреніе и терпѣніе въ мѣрѣ. Илья Иванычъ заставлялъ младенцевъ оныхъ пропѣть стихъ церковный, — сіе бо дѣло отроковъ тѣхъ, — и запѣли они стихъ: днесъ благодать Св. Духа насъ собра, по старонарѣчному пѣнію, и пѣли такъ дивно и прекрасно, что пѣніе ихъ превосходитъ человѣческое. И я спросилъ Илью Иваныча: какъ же они не учившись, а поютъ такъ изрядно? И онъ сказалъ мнѣ: благодать Св. Духа научила ихъ пѣти прекрасно. Тогда сталъ я Ильѣ Ивановичу говорить со слезами: на что ты, батюшка, меня единаго оставилъ въ бѣдственной временной жизни, а съ собою не взялъ? И онъ на то сказалъ мнѣ: потерпи Бога ради, и я самъ по терпѣнію воспріялъ отъ Бога таковое утѣшеніе, какое ты нынѣ видишь; будешь и ты на семь мѣстѣ, если претѣрпишь мужественно и вѣншняя и внутренняя нападенія. По сихъ далъ мнѣ Илья Ивановичъ три виноградины бѣлыя отъ плодовъ рая того, и положилъ я ихъ запазуху. Еще спросилъ я Илью Ивановича о прочихъ настоятеляхъ: о Максимѣ Степанычѣ, и Никитѣ Васильевичѣ, и Семенѣ Савельичѣ, гдѣ они обрѣтаются? И онъ мнѣ сказалъ, что въ мѣстахъ хорошихъ, и обрѣтаются неподалеку отъ него. И послалъ сына моего Григорія довести меня. И пришедше мы съ нимъ къ Макиму Степанычу и прочимъ нашимъ настоятелямъ, и видѣхъ на нихъ одежды апостольскія и сандалія, токмо безъ вѣнцовъ;

дѣвицамъ для произведенія мастерствъ, а не для незаконной жизни, — попускаетъ имъ жить вѣсть «кромя всякаго презорства.»

Въ опроверженіе этихъ двухъ пунктовъ, представленныхъ Ковылинымъ въ защищеніе Преображенскаго кладбища; Зенковъ въ томъ же 1785 г. пишетъ къ нему письмо по слѣдующему поводу. Неизвѣстно, для какихъ переговоровъ Ковылинъ послалъ одного еедосѣвца къ покровцамъ. Какъ и при всякомъ столкновеніи еедосѣвцевъ съ покровцами, теперь зашелъ между ними разговоръ о бракѣ. На различные доводы покровцевъ посоль-еедосѣвецъ по разглагольствіи сказалъ цѣлому собранію: «лучше нынѣ имѣть сто блудницъ, нежели брачитися.» Покровцы описали Ковылину этотъ слу-

а на мѣстахъ прекрасныхъ пребываютъ, и около нихъ младенцевъ не видѣхъ, какъ при Ильѣ Ивановичѣ. Но токмо около Никиты Васильевича (онъ былъ сильный бракоборецъ) младенцевъ до пяти видѣхъ служащихъ, да и прочіе христіане, которые въ моровое повѣтріе представлялись (т-е. тѣ, которые тогда пожертвовали свое имущество Преображенскому кладбищу) въ покойныхъ и прекрасныхъ мѣстахъ обитаютъ по мѣрѣ своихъ добродѣтелей, отъ которыхъ многихъ видѣхъ и познахъ. Съ Матвеемъ Федоровичемъ и женою его, также съ Семеномъ Ивановичемъ, съ Григоріемъ Леонтичемъ и проч. разговаривалъ: сказывалъ имъ со слезами о обстоящихъ мене нуждахъ и печаляхъ. Да и новожонъ (видѣлъ), кои въ моровой язвѣ покалялись (т-е. покалялись въ женитьбѣ и развелись съ женами), всѣ тѣ спасены отъ муки, а кои не покалялись, тѣ и не спаслись. Изъ новожонъ видѣхъ Архипа Демьяновича, да Григорія Леонтьевича сына, который сказалъ, что за отеческія молитвы помилованъ отъ муки. А жена его за то избавлена отъ муки, что послѣ крещенія обѣщалась не совокупляться съ мужемъ своимъ. А Дарья Матвеевна, моя жена, избавлена отъ муки за усердное мое помяновеніе, что поминалъ ее часто.»

Ковылинъ увѣрялъ, что это видѣніе ему было не во снѣ, а наяву, и въ доказательство онъ ссылался на своего послушника Дороея Яковлева: «Спросите Дороеюшки, говорилъ онъ еедосѣвцамъ, и онъ вамъ скажетъ, какъ я щупалъ руками въ пазухѣ у себя и на постелѣ и около изголовья искалъ виноградины бѣлыя данныя мнѣ въ раю Ильѣй Ивановичемъ, и еще Дороеѣй спросилъ меня: батюшка, что ты ищешь? Я ему и говорю: нищу виноградины, данныя мнѣ Ильѣй Ивановичемъ, батюшкой». Ковылинъ рассказывалъ свое видѣніе и очень много записывали его слово въ слово.

чай, жаловались на такую безнравственность и свое письмо отослали къ нему съ этииъ же послонъ. Когда оно подано было Ковылину, — «онъ за ужшоиъ прочитавши про себя, изодрагъ, а оваго посланнаго старика за такія его растлѣнныя слова ничѣиъ не наказалъ, ни словонъ, ни дѣлонъ, и на прощеніе не приводилъ, — молчаніемъ прикрылъ.» Зенковъ, называя Ковылина «потатчиномъ блудной свободы,» въ письмѣ къ нему въ короткихъ словахъ доказываетъ вопервыхъ то, что нынѣшнія дѣвственницы Преображенскаго кладбища не могутъ быть никакимъ образомъ сравниваемы съ прежними дѣвцами, дѣвство которыхъ было свободное и произвольное, а главнымъ образомъ—чистое и святое. «Разсмотри убо Илья, пишеть ему Зенковъ, здравствующимъ умомъ: оныя св. дѣвицы своимъ благимъ изволеніемъ дѣвство сохраняли Бога ради; аще и въ міру были, а фабрикъ коломенковыхъ и куманнскихъ не заводили. Къ тому же и рука была освященная, и было кому заключать бракъ жениха и невѣсты по чину церковному—вѣнчаніемъ; а тѣи дѣвицы сами не восхотѣша своимъ добрымъ произволеніемъ замужъ идти. Нынѣшнія же дѣвицы ремесленныя не такимъ произволомъ живутъ, чтобъ Бога ради хранить дѣвство, но подъ неволею отцовъ и матерей пребываютъ и не даютъ имъ (т.-е. отцы и матери) своего благословенія къ законному браку. Нынѣшнія дѣвицы свободѣ блудной отдаются по вашей одобрительности, обаче подъ прикрытіемъ вида дѣвическаго; а все то дѣлается по аркаву вашихъ своеозодныхъ духовныхъ отцовъ, и потому непристойно мѣшать св. дѣвицъ съ нынѣшними ремесленными, ибо отстоятъ одиъ отъ другихъ, елико небо отъ земли.»

Еще болѣе несообразности съ Св. Писаніемъ и здравымъ разумомъ Зенковъ видитъ въ томъ, что Ковылинъ дозволяетъ жить вѣстѣиъ молодцамъ и дѣвцамъ для произведенія мастерствъ, и вѣстѣиъ съ тѣиъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ можно избѣгать всякаго презорства. «Не тако Ковылинъ, не тако! отвѣчаетъ ему на это Зенковъ: сіе твое развращенное

человѣческое преданіе, еже дѣйствику съ дѣвцами быти; зри убо, что глаголетъ Св. Писаніе въ книгѣ Никановой: хотящія дѣйствовати, аще сжуди ради потребѣ, бесѣдовати съ женами понуждаются: да изволятъ гладомъ наче умрети, нежели отъ женъ питатися. И аще приемиши во свидѣтельство правило вселенскаго собора: яко аще бы и мѣрстїи чело-вѣцы суть, и живутъ въ дому своемъ съ чужими женами, да отлучены будутъ; еще зри о семъ правило 3-е перваго все-ленскаго собора, еще же подобно правило 87-е, Вас. Великаго. Видиши ли свидѣтельство вселенскихъ соборовъ и св. богоносныхъ отецъ запрещеніе и отлученіе всякому чину и простому народу живущимъ въ одномъ дому съ чужими женами! Ты же столь сѣбло свое преданіе написалъ, еже жити мужемъ съ чужими женами, яко бы болѣе св. отцовъ и со-боровъ разумѣя, и предалъ то, чего они не предали.» Но Зенковъ, предлагая подобнаго рода опроверженія, ясно признавалъ, что Ковылинъ св. отецъ правиламъ не повинуется или не радя, или не вѣруя пмъ, поэтому онъ старается на него подѣйствовать своими простыми разсужденіями.

«Легчае, говоритъ онъ, со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ доброличными женами; преложно бо есть естество челоуѣческое и удобно на зло прелажается посему: прелюбодѣянїе есть по стиху и великое прелюбодѣйство, еже со женами жительствовати», и эту мысль Зенковъ изъясняетъ слѣдующими сравненіями и примѣрами. «Вложивъ бо кто огонь въ нѣдра своя, ризъ своихъ не сожжетъ ли? И аще кто ходитъ по углю огненному,—не сожжетъ ли нозы свои! Постави свѣщу въ сѣно, обращается онъ наконецъ къ Ковылину, и аще возможши, рци ми, яко не можетъ сгорѣти; посему како ты допускаешь дѣвственникамъ и дѣвцамъ въ одной хранинѣ жити и пишешь намъ, яко сіе творится кроуъ всякихъ заворовъ? Чудо у тебѣ Илья: и сѣно сухое не горитъ, вы и на углѣхъ стоите, а нозѣ ваши не сожгаются?»

Ковылинъ сознательно и намѣренно допускалъ въ своемъ обществѣ развратъ. Онъ въ этомъ видѣлъ верный путь къ

безусловному господству надъ основаннымъ имъ Преображенскимъ кладбищемъ и ясно сознавалъ, что свобода лежа есть крѣпкое звѣно, соединяющее между собою тѣхъ развратниковъ, которые стекались подъ его покровительство. Такимъ образомъ, съ одной стороны, чѣмъ сильнѣе разгоралась искра разврата, брошенная имъ на Преображенское кладбище, тѣмъ онъ имѣлъ болѣе возможности своевольнѣе повелѣвать; а съ другой—подвластные ему единомысленники, тѣснѣе и тѣснѣе объединяясь между собою, дѣлались самонадѣяннѣе и заносчивѣе въ своихъ отношеніяхъ къ Покровской часовнѣ. При всемъ томъ покровцы долгое время не могли равнодушно смотрѣть на развращеніе Преображенскаго кладбища.

Изъ сочиненія Ивана Васильева Анисимова, писаннаго имъ около 1815 года, мы видимъ, что хотя негодованіе покровцевъ съ теченіемъ времени значительно увеличилось, по мысль объ исправленіи еедосѣвцевъ не оставляла ихъ. И съ этою цѣлю Анисимовъ, сдѣлавшись настоятелемъ часовни, написалъ свое сочиненіе «о раздѣленіи христіанъ,» которое онъ начинаетъ такимъ образомъ: «Раздѣленіе между нами (т. е. покровцами, еедосѣвцами) происходитъ не за что иное, какъ за браки, да къ сему еще отъ зависти и глупости».

Представивъ вкратцѣ нѣсколько доказательствъ на то, почему Покровская часовня приѣмлетъ браки, высказавъ даже при этомъ, подобно Заяцевскому, что для совершенія таинства брака «желательно было бы имѣть священника,» Анисимовъ приходитъ къ вопросу: имѣеть ли Преображенское кладбище хотя какое-нибудь основаніе отрицать браки, имѣеть ли оно какое-либо право принимать каждаго въ свое общество не иначе какъ съ разводомъ, — и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Но чтобы яснѣе представить дѣло, Анисимовъ самъ предполагаетъ нѣкоторыя основанія, которые могли бы извинить въ этомъ случаѣ еедосѣвцевъ. Такъ онъ на время какъ бы соглашается съ ними, что безсвященнословный бракъ не имѣеть полной силы законности, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что и такого рода убѣжденіе

еще не даетъ права Преображенскому кладбищу принимать всѣхъ въ свое общество непремѣнно съ разводомъ, что кладбище въ этомъ случаѣ поступаетъ неблагоразумно и крайне несправедливо—по той простой причинѣ, что бракъ, заключенный даже въ еретической церкви, несравненно терпимѣе разврата (*), который необходимо бываетъ вслѣдствіе принужденнаго дѣвства. Аще бо я тяжекъ грѣхъ, еже вѣнчати-ся у еретикъ, но любодѣяніе грѣхъ не въ приѣтъ сему тягчае: ибо когда отступникомъ изложенъ чинъ пріятія и прощенія, то вольнымъ отступникомъ на два лѣта, а поневоле отступникомъ на 12 недѣль; любодѣю же ни чрезъ весь вѣкъ покаянія нѣсть, аще не расторгнетъ любодѣйнаго своего сожитія. По исправленіи же отступнику дается эпитимія на 7 лѣтъ, а прелюбодѣю на 15, притомъ Анисимовъ говоритъ, что и самое исправленіе отступника отъ вѣры бываетъ дѣйствительнѣе и совершеннѣе любодѣя, потому что первый не мыслить болѣе о грѣхѣ, его же сотвори, но развѣ точію воспоминаетъ на умъ, каяся о томъ Богу; любодѣй же аще и кается, но любодѣйцы своей не отлучается.» Такъ, говоритъ онъ, поступаютъ присоединившіеся къ Преображенскому кладбищу: они, надѣясь на покаяніе, и принявъ разводъ, живутъ съ своими женами, и давъ обѣтъ дѣвства, держатъ у себя наложницъ,—это явное прелюбодѣйство.

Еслибы Преображенское кладбище въ силу подобныхъ убѣжденій согласилось принимать хотя нѣкоторыхъ безъ развода, то можетъ быть это скоро привело бы его къ примиренію съ Покровской часовней. Но сдѣлать подобную уступку еодостевцы могли не иначе, какъ совершенно измѣнивъ свои понятія о дѣвствѣ. Поэтому-то Анисимовъ и рѣшился теперь не только иѣрами убѣжденій, но и силою обличеній привести еодостевцевъ къ сознанию того, что проповѣдуемое ими дѣвство оскорбляетъ Бога и ведетъ ихъ къ неминуемой гибели.

(*) Поэтому-то многіе безпоповцы, сторонники Покровской часовни, обращаются къ православнымъ священникамъ за вѣнчаніемъ.

Дѣтвенная жизнь ведетъ челоѣка къ совершенству, внушаетъ онъ имъ, и бываетъ угодна Богу вопервыхъ только тогда, когда челоѣкъ безъ всякаго принужденія, совершенно произвольно отказывается вступить въ бракъ: но какъ скоро дѣвство становится необходимостью, въ такомъ случаѣ оно не есть добродѣтель и недостойно никакой похвалы. «Бракъ ты не сочетался, но не въ томъ дѣвство есть, ибо аще кто имѣлъ власть въ бракосочетаніе вступить, но однако не вступаетъ, такую могу нарѣщи дѣвою. Когда же запрещеннымъ ты именуеши быти сіе дѣло, то уже добродѣтель она не по твоему произволенію бываетъ, но по нуждѣ закона.» Продолжая эту мысль, Анисимовъ справедливо сравниваетъ дѣвственниковъ—едеосѣвцевъ со скопцами. «Яко же скопцевъ, говорить онъ, въ разсужденіи дѣвства никто за сіе хвалити можетъ, яко они не женятся, тако ниже васъ; ибо что у тѣхъ по нуждѣ естества бываетъ, то у васъ—развращенной совѣсти.» Скопецъ не вступаетъ въ бракъ вслѣдствіе тѣлеснаго недостатка, а «свѣвъ діаволь, лишивъ правильнаго разсужденія, безбрачными быти нужду положилъ. Возбраняеши женитися, сего ради изды не принадлежитъ тебѣ, но еще осужденіе и казнь.» Онъ угрожаетъ имъ казню потому, что, презирая бракъ, презирая слѣдовательно и самое естество челоѣка, они тѣмъ самымъ оскорбляютъ святость и благость Творца, повелѣвшаго раститися и множитися,—они тѣмъ самымъ нарицаютъ Его злыхъ вещей Сотворителемъ.» Поэтому-то нѣтъ ни одной религіи, которая бы проповѣдывала отрицаніе и презрѣніе брачной жизни, которая бы признавала дѣвство безусловной для всѣхъ необходимостью. «Къ кому убо причтемъ васъ? Къ іудеямъ ли, но не примуть сія, яко чтуть супружество и Божіе твореніе хвалить; къ намъ ли убо, но не восхотѣте послушати Христа чрезъ Павла глаголюща: честенъ бракъ и ложе нескверно. Остается наконецъ съ изычники точію поставити васъ, но и тіа отвергнуть, яко нечестивѣйшихъ паче себѣ. Платонъ бо философъ утверждаетъ, что благъ той, кто сію сотворилъ вселенную и что

благій ни въ чемъ злобы имѣти не можетъ; но не ужасайтесь имѣти сообщникомъ ученія своего діавола и ангеловъ его!»

Вовторыхъ, «истинная дѣва не тѣломъ тобою быти должна, но и душою, аще святѣйшаго Жениха пріяти хочеть. Ѳеодосѣевское же дѣвство только во внѣшности пребываетъ, а духовныя ихъ мысли осквернены суть, и оное дѣвство не есть истинное, но слезъ и рыданія достойно!»

Како убо дѣвою можетъ нарѣшися, нечестивыя помышленія имѣя внутрь себя; и кое пріобрѣтеніе есть, аще по раззореніи храма остается ограда? Притомъ же внутренніе и душевныя пороки необходимо оскверняютъ собою и самое тѣло: богохуленія бо и нечестивыя помышленія, хотя внутрь сердца рождаются, однако не пребываютъ внутрь, но оскверняютъ, языкъ изо устъ исходяще, и уши имъ внимающія: нечестивыя помышленія, яко смертоносный ядъ, внутрь души вверженный, паче всякаго червія погубляютъ человѣческое тѣло!» И напрасно нѣкоторые Ѳеодосѣевцы, нисколько не забываясь о внутренней чистотѣ души своей, стараются только во внѣшности казаться истинными подвижниками. Лицемеріе есть великій порокъ, оскорбляющій и ближняго и Самого Всевѣдащаго Бога, лицемеріе ведетъ человѣка къ неминуемой гибели. Како убо дѣвою можетъ быти, являя у себя лице блѣдное, изсохшіе члены и одѣяніе уничтоженное, егда внутреннее око ея не чисто есть! Извиѣ убо славна облечена есть, внутрь же себе имѣеть всякую мерзость. И сіе бо весьма беззаконно есть, яко предъ человѣка являетъ великое благоправіе, предъ Самимъ же Создателемъ Богомъ великое неистовство творить. На мужескій полъ не терпя и воззрѣти,—на Владыку всѣхъ человѣкъ безстыдными взираетъ очесы... Безсовѣстно есть зрѣніе ихъ и жертвоцѣмъ подобное! Виждь, обращается Анисимовъ къ читателю, како улови ихъ діаволъ въ сѣть свою, не наглою и явномъ ересью, но прикрытымъ благочестіемъ!»

Каковы же должны быть плоды этого вынужденнаго лицемернаго Ѳеодосѣевскаго дѣвства? Анисимовъ, сравнивая Пре-

ображенское кладбище съ Содомомъ и Гоморомъ, говорятъ, что еедосѣвцы толикое производятъ скверненіе, что и рѣши страшно. Вся задача еедосѣвскаго дѣвства, всѣ ихъ требованія въ этомъ случаѣ, какъ видно изъ сочиненія Анисимова, ограничились въ настоящее время только однимъ отрицаніемъ брака; во избѣжаніе брачной жизни еедосѣвецъ все долженъ былъ принести въ жертву, и даже религіозныя и нравственныя требованія души своей. «Хоша семерыхъ роди, только замужь не ходи, хоша туркой находишь, точію не женись» — вотъ совѣты, которые нерѣдко даютъ другъ другу чистіи дѣвственники. Въ обществѣ еедосѣвцевъ никто не беретъ на себя обязанности сдерживать грѣховныя склонности другаго; напротивъ духовники и наставники, даже отцы и матери, научаютъ блудодѣянію дѣтей своихъ: «любодѣйца любодѣянію дѣтей своихъ научаетъ, говоритъ Анисимовъ, и въ жертву діаволу ихъ приготовляетъ и во дно ада во посылаетъ.» Развратъ на Преображенскомъ кладбищѣ увеличился до такихъ размѣровъ, что «иногда бо случается брать съ сестрою, кумъ съ кумою; иногда бо случается при молитвенныхъ домахъ, во время службы великихъ праздниковъ, не точію прихожане токмо, но и сами тѣп служащія, ту сквернодѣяніе творять. А отъ таковыхъ сквернителей рождаеміи младенцы бывають бросаеми аки псища. Увы, увы! о чешъ здѣ первѣе возрыдаю: о любодѣяніи ли ихъ, или невинно истребляемыхъ отрочахъ!.. Ужаснися здѣ и ты самъ благоразумный читатель, и засвидѣтельствуй небу и земли, яко толикаго неистовства дошедше нынѣшніе старовѣры, глаголеміи чистіи: вси бо отъ мала и до стара въ любодѣяніи погрязли, овые дѣломъ, а другіе совѣтомъ и вси уготовалися діаволу въ пріятнѣйшую жертву.»

Вотъ какими черными красками обрисовываетъ Анисимовъ еедосѣвское общество! Несмотря на то, Покровская часовня и въ это еще время не желала съ своей стороны окончательнаго разрыва съ Преображенскимъ кладбищемъ. «Слѣдовало бы, говоритъ Анисимовъ въ заключеніе своего сочине-

ніа, отъ нихъ удалаться, но мы послѣдуемъ древне-восточной церкви, яже много терпѣ западной и не раздѣлялася, ожидая ея исправленія: и мы нынѣ потерпимъ мало, да негли вразумятся и прекратятъ скверный свой путь закономъ брака.»

*Соборъ еедосѣвцевъ и покровцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ
1807 года. (*)*

Но какъ бы то ни было, нельзя же предполагать, что покровцы совершенно безкорыстно старались вразумить и приширяться съ еедосѣвцами; къ этому побуждало ихъ не одно раскольническое родство, но и чисто-практическіе расчеты. Расколъ (безпоповщина) получилъ бы весьма громадную силу, еслибы Покровская часовня и Преображенское кладбище не противодѣйствовали одна другому, а главнымъ образомъ, еслибы богатая покровская моленная соединила свои капиталы съ нѣсколькими милліонами рублей Преображенскаго кладбища. Успѣхи раскольнической пропаганды неразрывно связаны съ торговлей; извѣстная секта имѣетъ тѣмъ болѣе послѣдователей, тѣмъ сильнѣе объединяется, чѣмъ успѣшнѣе бываетъ ея торговля, чѣмъ значительнѣе увеличивается ея капиталъ. Такимъ образомъ, вѣроятно въ виду большаго обогащенія, покровцы до настоящаго времени (1807 г.) все еще терпятъ еедосѣвцевъ, все еще не хотятъ окончательно и навсегда разорвать всякія съ ними сношенія. А притомъ еедосѣвцы имѣли предъ покровцами то главное преимущество, что первые имѣли свое собственное кладбище, а послѣдніе нѣтъ. Погребеніе раскольника-безпоповца и въ провинціи очень затруднительное дѣло; во избѣжаніе насмѣшекъ и оскорбленій безпоповцы принуждены бывають хоронить своихъ мертвецовъ ночью, по возможности тайнымъ образомъ; московскимъ же безпоповцамъ въ этомъ случаѣ оставалось одно — хорониться на Преображенскомъ

(*) Рук. Публ. Библ. по отд. бракоб. сочиненій № 28.

кладбищѣ. Правда, покровцамъ само начальство дало позволеніе хоронить своихъ на Преображенскомъ кладбищѣ и они не прочь были отъ этого предложенія; но Алексѣй Ковылинъ, этотъ деспотъ, гордившійся своимъ кладбищемъ какъ своею собственностію, могъ въ этомъ случаѣ дѣлать много неприяностей покровцамъ; онъ даже имѣлъ настолько силы, что не всегда исполнялъ предписанія полиція, когда она приказывала извѣстнаго покойника похоронить на Преображенскомъ кладбищѣ. Стоило только нѣсколько огорчить покровцамъ Ковылина и онъ тотчасъ же прибѣгалъ къ своему обычному мщенію: «не пущу, говорилъ онъ имъ, васъ, сатанинскія дѣти, на кладбище!» И вотъ они лишены возможности пѣть паннихиды по своимъ родственникамъ и принуждены бывають хоронить своихъ мертвецовъ на мирскихъ кладбищахъ, «кромя подобающаго надгробнаго пѣнія и кажденія енциама.» Часто въ подобныхъ случаяхъ подавались жалобы полиціи отъ покровцевъ на Ковылина, и если иногда полиція почти силою приказывала допустить Ковылину покровцевъ на кладбище, то Ковылинъ дѣлалъ имъ еще большія неприяности. Такъ напр. «егда скончавшуся рабу Божию Евстратію Федосѣевичу (это одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ Покровской молельни) тогда Илія (Ковылинъ) велехитрый пріѣзжаетъ въ частный домъ въ чайни таковомъ, чтобы удержать похороны до пятого дня и болѣе. Но частный показалъ приказъ, и Ковылинъ, не отверзше устъ своихъ, уѣхалъ. Егда же покойнаго тѣло было принесено, тогда Ковылинъ съ наушникомъ своимъ Иваномъ Федотовымъ скакали по кладбищу въ ресорныхъ дрожкахъ, глядя на дѣло своего злострастія, и подъѣхавъ сказали (покровцамъ): вотъ вамъ мѣсто спокойно, точію на водѣ тѣло положено будетъ.» Мало того: «Ковылинъ, поревновавъ гордостному дракону, съ могилъ покровскаго согласія памятники собралъ и съ землею оныя сравнялъ; камни истесалъ, а кресты древесные въ дрова изрубилъ.

Такимъ образомъ, несмотря на дѣйствія полиціи, Ковылинъ

могъ распоряжаться на своемъ кладбищѣ какъ дома; а поэтому-то покровцы, чтобы имѣть мѣсто для своихъ покойниковъ должны были употребить все свои успія, чтобы примириться съ еедосѣвцами; и вотъ почему покровцы не прерывали свои сношенія съ еедосѣвцами, несмотря на то, что они знали съ какими грубыми развратниками имѣютъ дѣло. Не довольствуясь одними увѣщательными посланіями, покровцы даже рѣшились, наконецъ, составить соборъ, который бы окончательно рѣшилъ, на которой сторонѣ истина.

Съ осторожностію и постепенно стали готовить покровцы умы еедосѣвцевъ къ составленію собора. Сперва было послано на Преображенское кладбище письмо, гдѣ покровцы высказываютъ желаніе мира и любви, говорятъ, что они допускаютъ бракъ и молятся за царя, имѣя на то основанія въ Св. Писаніи.

Получивъ письмо отъ покровцевъ, Ковылинъ сдѣлалъ совѣщаніе, выбралъ изъ среды своей нѣкоего казанскаго стрѣльца Михайла и приказалъ ему написать опроверженія на тѣ пункты, которые покровцы приводили въ защиту брака и моленія за царя,—что онъ и написалъ подъ общимъ названіемъ: «экстракта.»

Какъ скоро этотъ экстрактъ былъ готовъ, Ковылинъ призываетъ къ выслушанію его еедосѣвцевъ и покровцевъ. Покровцы, получивъ приглашеніе это, тотчасъ поняли, что это собраніе будетъ имѣть значеніе собора, особенно въ томъ случаѣ, если еедосѣвцы одержатъ побѣду. Поэтому они сочли необходимымъ дать какой-нибудь планъ предстоящему собору, чтобы можно было предвидѣть, о чемъ будетъ здѣсь говорено. И немедленно было послано на кладбище предварительное ииѣніе, гдѣ покровцами вкраткѣ высказано было, насколько они могутъ уступить еедосѣвцамъ, и на какихъ основаніяхъ и началахъ они будутъ спорить съ ними. Ковылинъ прочиталъ эти предварительныя ииѣнія; но видя, что покровцы желаютъ говорить на соборѣ, руководствуясь Св. Писаніемъ и правилами св. отцовъ, къ которымъ онъ не чув-

ствовалъ расположенія, видя, что допустивъ такой характеръ преній, еедостѣвцы будутъ побѣждены, не принявъ предварительнаго мнѣнія и сказалъ: «нашъ приказныхъ крючки не принадлежать.» Такимъ образомъ теперь Ковылинъ могъ повести дѣло, какъ ему угодно.

Въ 1807 году марта 10 дня послѣдовалъ соборъ въ келліи великоревностнаго Ковылина. При самомъ началѣ Алексѣй Ковылинъ «изволилъ ядъ устѣшъ своихъ женатымъ изъяснить.» Онъ такъ началъ свою рѣчь къ собравшимся: «когда вы перестанете жениться и подпишитесь не жить съ женами, и ребятъ не будете родить, и во всемъ съ нами будете согласны?» Отъ лица покровцевъ купецъ Заикинъ отвѣтилъ на это Ковылину: «ты не дѣло говоришь.» На Заикина посыпались отъ Ковылина скверныя ругательства и приказанія молчать: «молчи, молчи!» кричалъ раздраженный Ковылинъ. Брачущіеся напомнили Ковылину, что они пришли сюда не для того, чтобы слушать его ругательства и попросили его прочитать тѣ возраженія, которыя еедостѣвцы приготовили противъ нихъ. Ковылинъ спросилъ брачущихся: «коиими словами св. евхаристія въ тѣло и кровь Христа Бога нашего пресуществляется?» Этими вопросомъ онъ хотѣлъ имъ показать, что ему еще неизвѣстно—имѣютъ ли покровцы необходимыя христіанину понятія, и стоятъ ли они того, чтобы ему говорить съ ними. «Знаемъ», отвѣчали покровцы, что и было доказано. Тогда «Ковылина голова была красна, лицо же его, яко огневицею горяше. Онъ приказалъ подать себѣ кружку квасу, коиимъ утоляя жаръ своей злобы, глоталъ помаленьку квасъ въ гортань свою.» Наступило продолжительное молчаніе. «Читайте же экстрактъ», сказалъ наконецъ Ковылинъ. Какой-то стрѣлецъ, къ которому относилось это приказаніе, «сначала чтеніе, не ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ.» На нѣкоторые пункты экстракта покровцы стали было возражать, но Ковылинъ, произнесши свое обычное: молчать, приказалъ отобрать отъ покровцевъ подписку въ томъ, что они отказываются отъ брака. Послѣдніе, конечно, не согла-

сились дать такое обязательство, привели нѣсколько текстовъ изъ Св. Писанія въ защиту брака: честенъ бракъ и ложе нескверно и пр. Противъ этихъ свидѣтельствъ Св. Писанія нѣкоторые еедосѣвцы высказали такого рода мысль: теперь уже времена стали не тѣ, апостоловъ нѣтъ и писанія ихъ не имѣютъ силу неопровержимаго авторитета. А находящіися изъ еедосѣева согласія пастухи были съ такимъ злобнымъ ученіемъ и такіе буцефалы, что сказали: лучше со стами кобылами смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣть.» Замѣчательно, что за такія отвратительныя выраженія эти пастухи-буцефалы не были наказаны Ковылиннымъ; онъ даже не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія! Теперь все ясно увидѣли, что послѣ такихъ словъ бесполезно продолжать. Собраніе разошлось.

Спустя десять дней «паки Ковылинъ ятается, паки пяты ногъ своихъ движеть, и.— мужіе ругатели брака къ совѣту (покровцевъ) приглашаютъ.» Покровцы снова приглашаются къ выслушанію будто бы новаго экстракта, новыхъ положеній, на основаніи которыхъ могли бы сойтись эти двѣ враждующія партіи. И они съ радостію собрались на кладбищѣ въ надеждѣ, что еедосѣвцы сдѣлаютъ какія-либо уступки въ пользу мира; они надѣялись даже, что, наконецъ будетъ признана святость защищаемаго ими брака. Но на самомъ дѣлѣ вышло совершенно иначе: экстрактъ стали читать тотъ же самый, тѣ же нелѣпныя возраженія говорились противъ брака. Покровцы тотчасъ же сказали Ковылину, что обѣщаніе не исполнено, что экстрактъ читаютъ тотъ же самый; но Ковылинъ вмѣсто отвѣта, поднявъ руки въ высоту и указавъ на стѣны, сказалъ: «видите сія стѣны, не моего ли сін построенія? Вамъ ли со мною говорить? Я васъ въ такое мѣсто упеку, въ которомъ во вѣкъ свой стонать будете... Итакъ на семъ презентъ чтеніе прекратилось; строитель стѣнъ удалился съ собора и прочіе люди разошлись во своя дому.»

И вторая попытка къ примиренію не удалась покровцамъ. А между тѣмъ Ковылинъ все болѣе и болѣе притѣснялъ ихъ. Онъ наконецъ совершенно отнялъ землю на кладбищѣ, которую отвела имъ полиція. Поэтому покровцы, истощая все свое терпѣніе, собравъ послѣднія силы, рѣшились сдѣлать третіе и послѣднее собраніе. Они послали къ Ковылину спросить: не угодно ли опять сдѣлать собраніе, чтобы чѣмъ-нибудь закончить начатое дѣло. Но послѣдній сказалъ: не допущу быть собранію! Второй разъ посылають, — опять тоже отказъ. Наконецъ уже въ третій разъ удалось посланному вручить лично самому Ковылину письмо отъ покровцевъ. Но сей, не распечатавъ письма, изщипалъ его на мелкіе щипки и подателя ударилъ въ лицо, «коему и носъ осанилъ до крове, и такіа слова сказалъ: поди отсюда, адскій сынъ! Снабженный же (посоль) Христовою вѣрою смиренномудро рече: прости Христа ради! Я есмь посланный къ вамъ; но знай, стѣна повапленная, хотя сіе пятно не велико, но памятно! Съ коимъ знакомъ и тремя отъ письма щитками къ пославшимъ его воротился, чего и не ожидали!»

Послѣ такого поступка со стороны Ковылина покровцы уже ясно могли понять, что всѣ ихъ усилія вразумить еедосѣвцевъ тщетны, что имъ нельзя имѣть дѣла съ послѣдователемъ веліара, иже рать творяше со святыми.»

А между тѣмъ еедосѣвцы съ каждымъ годомъ все глубже и глубже упали въ бездну разврата. Всѣ убѣжденія и обличенія, приводимыя покровцами—и во имя религіи, и во имя достоинства природы человѣка—не привели еедосѣвцевъ къ исправленію. Еедосѣвецъ, истощая всѣ силы своего развращеннаго ума, идетъ отъ нелѣпости къ нелѣпости, изобрѣтаетъ кощунство за кощунствомъ, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, окончательно убить пробужденіе разсудка и самосознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—воспитать въ себѣ страшную ненависть къ порядку религіозной, гражданской, и особенно семейной жизни. По крайней мѣрѣ, такого понятія о еедосѣвцахъ держались покровцы въ 1737 году, какъ

видно изъ сочиненія наставника Покровской часовни Андрея Сергѣева: «Дѣвственница—еодосѣвка, старообрядка въ собственномъ своемъ лицѣ.» (*)

Сергѣевъ вовсе оставляетъ въ сторонѣ безплодныя убѣжденія и воззванія къ еодосѣвцамъ: въ этомъ его сочиненіи нѣтъ и намека на примиреніе съ ними. Онъ пишетъ съ тою единственною цѣлю, чтобы въ каждомъ читателѣ, знающемъ и незнающемъ расколъ, возбудить полное отвращеніе къ еодосѣвцамъ. «Любезный читатель, говоритъ онъ въ предисловіи къ своему сочиненію, отъ собственнаго ли обозрѣнія извѣстно тебѣ, или отъ кого-либо наслышанъ, что вѣра дѣвственная еодосѣвыхъ старообрядцевъ по наружнымъ церковнымъ благовидностямъ самими ими и нѣкоторыми посторонними почитается цвѣтущею благочестіемъ. Когда же вникнете въ законъ ихъ о дѣвствѣ и бракѣ, самовольно ими выдуманнѣй, и въ употребленіе введеннѣй, то по апостолу о нихъ удостовѣримся, что они только имѣютъ образъ благочестія, но силы его отверглися.»

Разсматриваемое нами сочиненіе Сергѣева можно раздѣлить на двѣ половины: одна часть его изложена въ формѣ прозы, а другая въ стихахъ.

Павелъ Любопытный въ своей раскольнической библиографіи справедливо замѣчаетъ, что Сергѣевъ писалъ съ ядовитой критикой противъ еодосѣвцевъ, (***) какъ это особенно видно изъ второй половины его сочиненія. Но мы не убѣдились въ авторскихъ способностяхъ Сергѣева, которыя восхваляетъ въ немъ Павелъ Любопытный. Сочинитель «дѣвственницы—еодосѣвки» не имѣетъ послѣдовательности и постоянно повторяется, напр. во второй главѣ онъ хочетъ говорить о догматахъ еодосѣвцевъ, а перечисляетъ вѣсть и слѣдствія ихъ ученія, между тѣмъ какъ у него есть отдѣльная глава «о плодахъ еодосѣва ученія,» и еще особая:

(*) См. рук. Пуб. Биб. по отд. бракобор. соч. № 30.

(**) Библиогр. Павла Люб. стр. 60 и 61.

«о послѣдствіяхъ.» Поэтому мы отсюда сдѣлаемъ только нѣкоторыя выдержки.

Въ началѣ своего сочиненія Сергѣевъ говоритъ, что еедостѣвская ересь есть не первое и не новое явленіе: исторія представляетъ намъ много такихъ ересей, цѣлю которыхъ было также отрицаніе брака и распространеніе студодѣйствъ и мерзостей. И подобныхъ еретиковъ-бракоборцевъ онъ насчитываетъ 37: Маркіонъ, Монтанъ, Татіанъ, Манихей, и проч.

Секту еедостѣвскую Сергѣевъ называетъ седмиглавымъ обществомъ, потому что она дѣйствительно состоитъ изъ слѣдующихъ семи отдѣльныхъ видовъ; сюда принадлежать: 1) собственно дѣвственники (главная партія); 2) старожоны, которые до поступленія въ еедостѣвскую секту отвергли прежній свой бракъ и обязались къ дѣвственной жизни; 3) половинки, когда одинъ изъ супруговъ присоединяется къ еедостѣвцамъ, другой же нѣтъ; 4) новожоны, которые принявъ разводъ и отрицая бракъ, живутъ съ прежними женами; 5) дѣвкожоны — сожительство холостыхъ съ дѣвками; 6) тайножоны — тайнымъ образомъ для избѣжанія эпитимій измѣняющіе дѣвственной жизни, и наконецъ 7) многожоны.

Глава, въ которой Сергѣевъ говоритъ о догматахъ еедостѣвцевъ, состоитъ изъ однихъ краткихъ и голословныхъ перечисленій тѣхъ мнѣній, которыхъ держатся еедостѣвцы относительно ученія о бракѣ и дѣвствѣ, — и частію слѣдствій, которыя отсюда вытекаютъ.

Такихъ догматовъ Сергѣевъ насчитываетъ 22. Но такъ какъ онъ, выразивъ одну и ту же мысль въ различныхъ фразахъ, повторяетъ ее нѣсколько разъ, то мы изъ 22-хъ перечисленныхъ имъ догматовъ передадимъ только слѣдующіе: «еедостѣвцы 1) бракъ именуютъ блудомъ; 2) бытіе брака уничтожать (повелѣваютъ); 3) степени родства истреблены; 4) дѣвство — закономъ (признаютъ); 5) правовѣрныхъ христіанъ отлучаютъ отъ Бога и злословятъ; 6) Бога почитаютъ виновникомъ студодѣйствъ и мучителемъ христіанскаго рода;

7) къ зачатію младенца разумѣютъ, что душу въ него внести діаволь; 8) младенцевъ сознаютъ кобелящами; 9) чадо-родію законному истребленію.»

Вторая часть сочиненія Сергіева состоитъ изъ двухъ стихотвореній. Первое онъ озаглавливаетъ такъ: «Собственное израженіе Дѣвственницы Ѳеодосѣвки.»

Вотъ содержаніе этого сочиненія.

Дѣвственница Ѳеодосѣвка слышитъ, что многія порицаютъ ее за развратную жизнь; но она, не обращая на это вниманія, хвалится своимъ безстыдствомъ, и довольная собой, желаетъ, чтобъ и всѣ походили на нее, — чтобы всѣ чуждались брака:

Дѣвство каждый сохраняй,
 Тайну брака не совай:
 Холостой не женися,
 Староженыи воздержися,
 Дѣвка замужь не ходи,
 Староженка не роди.
 Тайна брака истребися,
 Дѣтородство запретися (потому),
 Что къ зачатію челоуѣка,
 Нынѣ въ жизни душу вѣка,
 Богъ творецъ не посылаетъ, —
 Самъ діаволь помѣщаетъ;
 Сатана виждетъ людей
 Множествомъ числомъ семей;
 Въ томъ невѣрны помогаютъ (невѣрны-брачущіеся).
 И враги тожь пособляютъ.
 Сына, дочь не сочетать;
 Мать, отца за бракъ изгнать.
 Чистоту мы умцожаемъ,
 Вѣру дѣвства защищаемъ.
 Повивалками не быть (повелѣваемъ),
 Повиваньемъ не служить.
 Вѣру твердо сохраняйте
 И въ родахъ не помогайте.
 Какъ угодно поживи,
 Не въ законъ жену держи.

Тверды въ вѣрѣ пребывайте,
 Жизни брачной не примайте:
 Сколько хочешь породи,
 Только замужъ не ходи,
 Страсть любовну поправляти —
 Покааньемъ очищати;
 Насъ отцы (духовники) за грѣхъ простить,
 Въ райско мѣсто помѣстятъ.
 Кто же браки принимаетъ,
 Ихъ законность почитаетъ,
 Тамъ иконамъ не молишь,
 Безъ моленъ обойдись.

Но дѣвственница-еодосѣвка видитъ, что ея проповѣди не безусловно повинуются даже и близкіе къ ней — новожены; она по этому даетъ имъ такіе совѣты и приказанія, въ силу которыхъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, разъединялась бы ихъ семейная жизнь.

Христіаномъ бракъ приняти —
 Новоженствомъ называти.
 Новоженовъ разумѣть,
 Правило о нихъ имѣть:
 Новоженка сохрани (т. е. такое правило):
 Изъ горшка (т. е. своихъ дѣтей) млекою корми,
 А не грудію своею,
 И не мервостью твоею;
 Но коровьимъ молокомъ
 Для спокойствія о томъ (*) —
 Мать, отца ихъ (т. е. дѣтей новоженовъ) разлучати,
 Купно жить не позволять,
 По деревнямъ разгонять;
 Вмѣстѣ будутъ проживати;

(*) Последнія слова: «Для спокойствія о томъ» здѣсь означаютъ слѣдующее: еодосѣва совѣтуетъ кормить дѣтей коровьимъ молокомъ, потому что животныя безгрѣшны; слѣдовательно, если мать не будетъ питать своихъ дѣтей грудью, то совѣсть ея будетъ отъ того спокойнѣе, — она въ такомъ случаѣ меньше передаетъ имъ своей грѣховности.

Ихъ дѣтей не отпѣвати,
 Ни крестить всегда ни гдѣ,
 Здравыхъ ихъ дѣтей ни гдѣ.
 вмѣстѣ съ ними имъ не жити,
 Въ разныхъ домѣхъ имъ пребыти.
 Пѣствовать дѣтей не должно, —
 Удаляться ихъ какъ можно.
 Ихъ избавиться напасти, —
 На одномъ столѣ не ясти.
 Въ банѣ съ ними имъ не мыться,
 Разной шайкой отдѣлиться.
 Ихъ (новожоновъ) съ разводомъ исповѣдать,
 Въ ихъ домѣхъ намъ не обѣдать,
 Въ домѣ ихъ Христа не славить,
 Какъ невѣрныхъ ихъ оставить,
 Чтобъ повсюду дѣвству быть,
 Брачны жизни истребить
 Въ бракъ входящихъ отлучать,
 Троицы святой лишать.
 Вѣру дѣвства знать бы впредь,
 Брачныхъ всюду бѣсу въ снѣдь.

Въ заключеніе она говоритъ, что —
 Вѣра наша лучше всѣхъ,
 Въ чистотѣ что въ насъ успѣхъ
 Ѳедосѣвы научили,
 Вѣру дѣвства учредили;
 Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ,
 Будетъ знать хоть цѣлый свѣтъ!

Во второмъ стихотвореніи: «Важности злодѣяній уставовъ
 бракорборныхъ» Сергѣевъ повторяетъ уже отъ своего лица
 почти тоже самое, что высказано имъ отъ имени дѣвствен-
 ницы Ѳедосѣевки. Замѣчательны здѣсь только тѣ мѣста сти-
 хотворенія, гдѣ онъ ясно обличаетъ Ѳедосѣевцевъ въ дѣто-
 убійствѣ:

Отрокъ, дѣва не зачислѣ,
 Въ свѣтъ природой не родилѣ:
 Дѣва, отрокъ умертвилѣ,
 Жизни въ ложе снахъ лишилѣ.
 Гидра адска пожираетъ
 Бракорборъ что въ законетъ;

Люты крѡвы водворяютъ,
 Безъ ножей тутъ заколаютъ:
 Вѣрныхъ роды погубить (т. е. научаютъ),
 Церковь Божью истреблять:
 Членовъ вѣрныхъ смерть возьми,
 Общество все умертви!
 Воинство врага явилось,
 Жало смертное вселилось:
 Повсемѣстное убійство,
 Явно гнусное безстыдство!
 Въ нихъ (т. е. у едосѣевъ) повсюду новожоны,
 Всѣ и совѣстью сожжены:
 Члены явнаго блуда,
 Вавилонскаго студа,
 Дѣти-и отцы чужіе,
 Студной жизни прибылые.
 Дома, стогны — Вавилонъ, —
 Всюду истребленъ законъ!
 Сонмъ прелестника Дракона,
 Плодъ Венеры, Купидона.»

Поэтому онъ говоритъ: «Сей учитель (т. е. бракоборецъ)
 — кровопійца;

Онъ злодѣй, царубійца!

и что бракоборъ несравненно болѣе преступенъ даже са-
 маго Ирода, повелѣвшаго избить младенцевъ мужскаго пола:

Фараонъ дѣтоубійца,
 Иродъ злобный кровопійца, —
 Грѣхъ тогда легчае былъ —
 Мужескъ полъ одинъ убилъ;
 Бракоборъ же взаконяетъ,
 Оба пола умерщвляетъ.

И въ концѣ своего стихотворенія Сергѣевъ справедливо
 замѣчаетъ:

Въ бракоборствѣ смертный мѣ;
 Тутъ владыкой супостатъ.
 Ложну дѣвству злый учитель,
 Самъ діаволь прелволитель;
 Богу, людямъ врагъ, злодѣй,
 Душегубецъ асмодей.

Бракоборство иновѣрно
И ученіемъ зловредно,
Тутъ ума святѣйша нѣтъ,
Видить, слышать, знаетъ свѣтъ!

Вотъ къ какимъ сильнымъ обличеніямъ, къ какимъ жестокимъ укоризнамъ должны были прибѣгнуть покровцы въ 1837 году въ спорахъ съ еедосѣвцами. Вотъ до какихъ страшныхъ, чудовищныхъ разбѣговъ распространился развратъ между дѣвственниками-еедосѣвцами! Справедливо такъ сильно нѣкогда обличалъ ихъ Иванъ Алексѣевъ: «Сынове челоувѣческіе! не стыдно ли вамъ съ такими блядословными правилами нареду мудрыхъ людей исходити! Не срампо ли вамъ такими сатанинскими правилами свою церковь подтверждати! О жестокаго вашего сердца! О неразсмотрительнаго вашего ума! Тако бо вашей слѣпотѣ и упрямству потребовася: оставивше толикихъ церковныхъ учителей, тмѣ нѣкой послѣдовати и адовымъ вратамъ внимати. О безумія великаго, о своевольства необузданнаго! Показуете разводы, обнажаете и женскія главы и дѣвами ихъ простоволосыми творите. О діавольскаго коварства не можетъ никто описати! Злос ваше ученіе не словесъ, но бича на искорененіе требуетъ; яко ничто ваше безстудіе пользоваться возможе — ни слово увѣщанія, ни дѣло прошенія, развѣ тѣлесное врачеваніе; затворитесь врата адова, заградитесь уста еретическія, умолкните языки блядословащіе на св. церковь! Доколѣ вамъ сатанинскія жабы изъ пѣдръ вашихъ испускати, и аки змиевы и ехидны души христіюбивыхъ уязвляти?!... Блюдитесь вы, сынове церковнія, такихъ блядословцевъ и не соплетайтесь съ ними, но бѣгайте ихъ, аки губительной заразы!»

Позднѣйшихъ бракоборныхъ сочиненій (Ивана Сергѣева въ 1837 г.) мы не знаемъ, хотя споръ о бракѣ между Покровской часовней и Преображенскимъ кладбищемъ продолжается и до настоящаго времени (*), поэтому намъ остается ска-

(*) Надо замѣтить, что такъ-называемые бракоборныя сочиненія очень рѣдки, потому что Преображенское кладбище скупаетъ ихъ за значительныя деньги и сжигаетъ.

зять о томъ, какія были слѣдствія этихъ споровъ, какое имѣлъ вліяніе вопросъ о бракѣ на покровцевъ и еедосѣевцевъ.

Вслѣдствіе этихъ двухъ противоположныхъ, спорящихъ между собою партій, въ безпововщинѣ образовалось такъ-называемое новоженство. Изъ еедосѣевцевъ нѣкоторые, говоритъ Скачковъ въ своемъ сочиненіи о новожонахъ, также разсуждая, что безъ согласнаго священника вступить въ законное супружество невозможно; однако изобрѣли себѣ новую, и отъ началъ вѣка, въ концѣхъ всея вселенныя неслыханную женитву, отъ коего дѣйствія стали нарицаться новожоны.» Скачковъ, а за нимъ и другіе наставники Покровской часовни называютъ новоженство явленіемъ новымъ и неслыханнымъ. Слѣдовательно это не тѣ новожены, которые были во времена еедосѣевъ Васильевыхъ и братьевъ Денисовыхъ.

Извѣстно, что всѣ безпововцы сперва «препровождали жизнь безбрачною.» А между тѣмъ вопросъ о бракѣ долгое время не былъ уясненъ ими, и по этому хотя и предпочиталась жизнь аскетическая, но, какъ уже мы видѣли, дѣлались нерѣдко исключенія въ этомъ случаѣ, многіе были принимаемы въ извѣстную безпововщинскую секту и безъ развода подъ именемъ новожоновъ. Такого рода лица не составляли собою какую-либо отдѣльную партію безпововщинской секты; мы не видимъ между ними ни особеннаго начальника и основателя, какъ въ другихъ отдѣльныхъ, даже очень мелкихъ, сектахъ подобныхъ Настуховой: новожоны были и въ поморской и въ еедосѣевской и другихъ безпововщинскихъ сектахъ. Но когда, съ образованіемъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни, одна часть безпововцевъ подъ предводительствомъ Ильи Ковылина, для возстановленія въ полной силѣ прежнихъ безпововщинскихъ идей, стала требовать отъ каждаго безпововца безусловнаго дѣвства; а другая, вѣсть съ Васильемъ Емельяновымъ, рѣшительнымъ образомъ объявила необходимость и святость брачной жизни, тогда уже новожоновъ въ прежнемъ видѣ не могло суще-

ствовать: потому что, предпочиталъ ли кто изъ безпоповцевъ жизнь семейную, тотъ уже, не измѣняя безпоповщинъ, и не нуждаясь въ снисхожденіи, имѣлъ полное право вѣчаться въ Покровской и другихъ подобныхъ часовняхъ, или если кто убѣжденъ былъ въ превосходствѣ еедостѣвскаго дѣвства, тотъ естественно долженъ былъ подчиниться Преображенскому кладбищу. При Покровской часовнѣ уже не могли быть возможны по той простой причинѣ, что здѣсь была вполне признана законность брака; и дѣйствительно возможны ни въ какомъ случаѣ не были терпимы при Покровской часовнѣ — какъ такіе люди, которые, ведя брачную жизнь, считаютъ это великимъ грѣхомъ. Еедостѣвцы въ свою очередь тоже не могли допускать новоженство, не измѣняя главной своей задачѣ — требованію отъ всѣхъ и каждаго безусловнаго дѣвства. А между тѣмъ съ самаго того времени, какъ начались споры о бракѣ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней, появилось множество такихъ людей, изъ которыхъ иные не могли разрѣшить для себя вопроса: на которой изъ спорящихъ сторонѣ истина? Другіе же, сознавая вполне превосходство брачной жизни, частію по необходимости, частію изъ извѣстныхъ расчетовъ не могли оставить кладбища. Подобнаго-то рода люди и обратились къ Ковылину, чтобъ онъ по примѣру прежнихъ отцовъ принялъ ихъ въ свое общество безъ развода, допустилъ въ число прихожанъ кладбища и брачущихся. Ковылинъ, желая остаться вѣрнымъ своимъ безпоповщинскимъ, аскетическимъ началамъ, на первыхъ порахъ далъ рѣшительный отказъ на подобныя просьбы. Но такъ какъ московскіе раскольники съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ощущали нужду въ семейной жизни, а между тѣмъ Покровская часовня не переставала порицать еедостѣвское дѣвство, то Ковылинъ скоро поставленъ былъ въ необходимость измѣнить своимъ началамъ. Онъ, а за нимъ и его преемники, принуждены были довольствоваться уже только тѣмъ, что каждый еедостѣвецъ обязанъ былъ признать безусловное дѣвство и совершенно

чуждаться брака, а на сколько онъ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, на это уже мало обращалось вниманія.

Правда, каждый, желающій быть членомъ Преображенскаго кладбища, давалъ публично обѣтъ дѣвства, подѣ угрозой въ противномъ случаѣ изверженія изъ общества, женатыя же принимались не иначе какъ съ разводомъ: но все это стало дѣлаться только для вида, для одной пустой формы. Потому что, на самомъ дѣлѣ, если кто и измѣнялъ этому обѣту, или выдавалъ въ развратъ, или вступая въ бракъ, тотъ уже въ собственномъ смыслѣ не отлучался отъ общества, а оставался въ немъ подѣ именемъ новожона и подлежалъ постоянной пожизненной епитиміи. И вотъ эти-то еедосѣвцы-новожоны изобрѣли, по словамъ Скачкова, новую неслыханную женитьбу. Скачковъ называетъ союзы новожоновъ просто сожительствомъ, а не бракомъ; потому что дѣйствительно въ женитьбѣ еедосѣвцевъ-новожоновъ нѣтъ и тѣни какой-либо законности, браки ихъ не имѣютъ даже и гражданскаго значенія, такъ что новожоновъ по справедливости можно сравнять съ тѣми, такъ-называемыми сенизактами, которые были на востокѣ въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ, и о которыхъ упоминаетъ Евсевій (кн. 7, гл. 20) и св. Епифаній (въ своемъ сочиненіи о ересяхъ въ гл. III). Сенизакты, проповѣдуя необходимость для спасенія дѣвственной жизни, между тѣмъ дозволяли себѣ, по возможности тайнымъ образомъ, вступать въ незаконныя сожительства; подобно имъ и новожоны изобрѣли такіе виды браковъ, которые вполне характеризуютъ странное и неопредѣленное положеніе людей, не имѣющихъ положительныхъ религіозныхъ убѣжденій, колеблющихся между двумя противоположными направленіями Покровской часовни и Преображенскаго кладбища, людей, которые, давъ обѣтъ дѣвства, въ тоже время сознаютъ для себя насущную потребность жизни семейной.

Поэтому-то у еедосѣвцевъ-новожоновъ весьма часто случается, что иной, желая взять въ сожительство извѣстную ему дѣвицу, при помощи своихъ товарищей, тайнымъ образомъ

похищаетъ ее у родителей. Этотъ незаконный союзъ, составленный безъ всякихъ взаимныхъ обязательствъ и условій, очень часто въ скоромъ же времени разрывается; при чемъ ни родственники оставленной дѣвicy, ни сама она не имѣютъ никакого права искать защиты у общества; потому что каждый еедосѣвецъ, особенно же начальствующіе изъ нихъ въ силу обязательнаго для всѣхъ дѣвства одобряютъ такой поступокъ. Впрочемъ похищенія бывають только въ семействахъ строгихъ еедосѣвцовъ, а большая часть изъ этихъ чистыхъ дѣвственниковъ сами бывають не прочь содѣйствовать незаконному сожителству своихъ дѣтей, хотя еедосѣвецъ въ этомъ случаѣ поставляется въ крайне стѣснительное положеніе. Съ одной стороны онъ, какъ отецъ, естественно желаетъ принять по возможности близкое участіе въ судьбѣ своего сына или дочери при ихъ сочетаніи, ему бы даже хотѣлось раздѣлить эту семейную радость; но съ другой, по законамъ своей секты, онъ обязанъ воспрепятствовать всякому проявленію требованія семейной жизни. Прибавьте къ этому и то, что еедосѣвцы-новожоны «имѣють стыдъ гражданскій», какъ выражается Скачковъ, т. е. имъ горько и больно бываетъ слышать, когда брачущіеся укоряють ихъ дѣтей, какъ «незаконно сопрягшихся», какъ разкратниковъ. И вотъ еедосѣвецъ-новожонъ по необходимости долженъ лицемерить въ этомъ случаѣ до чрезвычайности страннымъ образомъ, лицемерить и предъ своими дѣтьми и предъ обществомъ, и предъ посторонними. Такъ напр., отецъ и мать уже ясно видятъ, что сынъ ихъ желаетъ вступить въ сожителство съ известною имъ дѣвицей. Но такъ какъ сынъ съ своей стороны иногда боится спросить ихъ совѣта и благословенія на свое сожителство, чтобы не оскорбить религиозное чувство своихъ родителей — «чистыхъ дѣвственниковъ», то и они въ свою очередь стараются подавать видъ, что какъ будто бы не ожидаютъ отъ своего сына извѣстнаго объту дѣвства. Незаконное сочетаніе совершено — и родители жениха и невѣсты «притворное рыданіе составляютъ»:

они причитають надъ своими дѣтьми, какъ надъ умершими, притворно оплакивають ихъ, какъ впадшихъ въ тяжкій грѣхъ. Но по прошествіи двухъ-трехъ дней отцы и матери, съ той и другой стороны, внутренно очень довольные такими поступкомъ своихъ дѣтей, какъ уже родственники сходятся между собою и дѣлають обычныя условія о приданомъ. Далѣе—есть и такіе новожоны, которые, менѣе уважая убѣжденія и законы своей секты и уступая требованію своихъ родительскихъ чувствъ, рѣшаются принимать болѣе близкое участіе при сочетаніи своихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ «да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ, сами таковой блудотворной радости приобщаются: овѣ подаяніемъ благословенія при отхожденіи сына ихъ къ любовницѣ, овѣи при введеніи въ домъ срѣтають ихъ съ иконами», но это уже признается за величайшее преступленіе; отецъ и мать, давшіе сыну благословеніе, должны немедленно принести въ томъ покаяніе, и принять отъ своихъ наставниковъ эпитимию. У еедосѣвцевъ болѣе считается извинительнымъ даже то, если новожонъ, по случаю сочетанія своихъ дѣтей, желая раздѣлить радость съ родными и знакомыми, устроить пиръшество. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ, по требованію еедосѣвскихъ приличій, онъ необходимо долженъ лицезрѣть: угощая и привѣтствуя своихъ гостей, онъ не позволить себѣ обратиться съ ласковымъ словомъ и съ поздравленіемъ къ сочетавшимся; на сына своего и на приведенную имъ любовницу, онъ, «какъ на незнаемыхъ, и не взираетъ.» На сколько же должна быть прочна семейная жизнь новожонковъ при такомъ ихъ положеніи? Не говоря уже о томъ, что здѣсь каждый легкомысленный и развратный можетъ во всякое время свободно оставить свою жену и бросить своихъ дѣтей; но если мы возьмемъ во вниманіе и такого человѣка, который искренно желаетъ быть добрымъ семьяниномъ, то и для него почти нѣтъ возможности быть вѣрнымъ мужемъ и добрымъ отцемъ. Въ продолженіе всей своей жизни семьянинъ еедосѣвецъ необходимо постоянно испытываетъ страшныя угро-

зенія своей совѣсти. Рождается ли въ семействѣ новорожденна дитя,—отецъ и мать наказываются отлученіемъ и эпитиміями, какъ великіе грѣшники, какъ явные блудники; находится ли ихъ новорожденный при смерти, и въ такомъ случаѣ наставники съ трудомъ рѣшаются удостоятъ его крещенія; но что всего страшнѣе и мучительнѣе для родителей—это увѣренность, что ихъ дитя есть плодъ сѣмени діавола! Далѣе: заболѣваетъ мужъ, — и вотъ являются наставники, и не смотря на горькія слезы жены и дѣтей, вынуждаютъ у больного, подъ угрозами вѣчныхъ мученій, страшную клятву — отказаться навсегда отъ своего семейства.

Вотъ какое странное и виѣсть горькое положеніе еедосѣвцевъ-новожоновъ! Здѣсь убѣжденія становятся въ прямое противорѣчіе съ жизнію, а слѣдовательно въ этомъ обществѣ не можетъ быть устойчивости и крѣпости; въ немъ нѣтъ задатковъ на долгое существованіе. И если еедосѣвцы, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и убѣжденій покровцевъ сознаютъ нелѣпость своего положенія, признаютъ нужду и необходимость брачной жизни, то непремѣнно прежнія задачи безпоповщинской секты рушатся сами собою: безпоповцы не будутъ, подобно своимъ отцамъ, непріязненно относиться къ обществу, церкви и государству; безпоповцы при извѣстныхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ обратятся въ лоно православной Церкви, примирятся съ законами государственной и общественной жизни. И это не пустая мечта: безпоповцы были грубы и невѣжественны, недовѣрчиво и озлобленно относились къ окружающей ихъ жизни; смѣло и дерзко шли наперекоръ всѣмъ законамъ, пока вели аскетическую жизнь. Но какъ скоро они примирились съ семейною жизнію, какъ скоро Покровская часовня признала законность брака, здѣсь тотчасъ же расколъ начинаетъ слабѣть и клониться къ паденію: являются законы, которые смѣло говорятъ: «наши старики и отцы много узаконили не отъ Писанія; много узаконили странно и различно»; Заяцевскіе, открыто высказывающіе нужду въ священствѣ, и другіе наставники Покров-

ской часовни, которые укоряли едосѣвцевъ за то, что они не покланяются св. мощамъ православной Церкви, и наконецъ Покровская часовня—уже не по нуждѣ, а сознательно и свободно исповѣдуютъ «догматъ о царѣ моленія» (*).

К. Н — нъ

(*) Между бракоборными сочиненіями есть рукопись № 34: «Догматъ о царѣ моленія», гдѣ брачушіеся безпоповцы весьма подробно доказываютъ этотъ догматъ; и даже въ главѣ: «Переводъ имянъ титулярныхъ», говорятъ, что царя можно и должно называть императоромъ.